

Александр Войнов

Хочешь мира — готовься к войне

Часть первая

Приземистый, с покосившимися, подслеповатыми окнами, кирпичный особняк, расположенный сразу же за городской чертой, до революции служил пристанищем какому-то священнику, который никогда не был архиереем, но людская молва почему-то окрестила это угрюмое строение Архиереевой дачей, и название сохранилось до сих пор.

Из-за острой нехватки жилья, в пятидесятых годах, из епархии дом перешел во владение жилкоопа, был заселен самой разнообразной публикой и превратился в обычную коммуналку.

Левше было около шестнадцати, когда, спустя лет десять после войны, они с матерью переехали из деревни в город. Жилкооп, куда мать устроилась работать дворником, выделил им жилье, и так они осели на Архиереевой даче.

Отдельная комната с давно не мытыми окнами, выходящими в сад, располагалась в конце узкого коридора, который выглядел еще уже и длиннее из-за выстроившихся вдоль стен старых шкафов, велосипедов, примусов и корыт.

Комната показалась новоселу просторной и уютной, хотя была совершенно пустой. Только в дальнем углу сиротливо стоял забытый прежними жильцами фикус. Листья вечнозеленого растения покрылись толстым слоем пыли, а земля в горшке высохла и потрескалась. Левша притащил со двора ведро воды, несколько раз полил фикус и, наблюдая, как потрескавшаяся земля впитывала воду, влажной тряпкой тщательно протер каждый листок. Присутствие этого незнакомого до сей поры растения, которое с их приходом обретало новую жизнь, делало новоселье по-особенному радостным и каким-то необъяснимым образом обещало перемены к лучшему.

В комнате напротив проживал отставной военный. Левша считал соседа глубоким стариком, хотя Никанору Катсецкому было где-то за пятьдесят. Высокий, подтянутый, седовласый, пахнущий тройным одеколоном, Никанор в профиль чем-то напоминал Феликса Дзержинского.

Как многие в послевоенные годы, Катсецкий одевался в офицерскую форму, и по тому, как ладно сидели китель и галифе, в нем без труда угадывался кадровый вояка. Соседи поговаривали, что во время войны Никанор служил в СМЕРШе, имел правительственные награды, но из скромности не одевал их даже в день Победы. Не носил и погон, хотя на службе состоял и посещал её исправно.

Служил бывший «смершевец» в домзаке, а попросту в тюрьме. И служба была не совсем простая. Работал исполнителем. Приводил в исполнение смертные приговоры, которые в то время были не редкость. За это и получил от зеков прозвище Кат. По тюрьме упорно ходили слухи, что на воровской сходке, во главе с законником Васькой Психом, Катсецкого приговорили, но вопреки ожиданиям, всем смертям и зекам на зло, Кат продолжал жить и здравствовать.

Отличительной чертой формы одежды Никанора были до блеска начищенные хромовые сапоги, обутые в новенькие резиновые, на красной байковой подкладке, калоши, которые он не снимал ни зимой, ни летом. Левша заметил, что сосед в любую погоду уходил на службу в калошах, а, возвратившись, любовно протирал их мокрой тряпкой и ставил в общем коридоре у двери. Вот из-за этих-то злополучных калош и возникли у него разногласия с Никанором. Дело в том, что Левша время от времени, безо всякого на то дозволения владельца, использовал калоши, бегая ночью во двор по малой нужде. Надевать и зашнуровывать собственные ботинки ленился, а резиновые катовы калоши сорок пятого размера были для этого дела как раз в пору. Это самоуправство долго сходило лентяю с рук. Но однажды он перепил кислого молока, которое мать привезла из деревни, и ближе

к полуночи у Левши многообещающе бурлило в животе. В критический момент он выскочил в коридор, впрыгнул в сияющие Никаноровы калоши и, как маленький Мук, вихрем вылетел во двор.

— Кажется, не донесу, — прошептал себе под нос обжора, переходя на мелкий шаг и для прочей верности плотнее сжимая верхние части ног. Это ухищрение было немного запоздалым...

Не добежав до туалета всего несколько шагов, полуночник наспех присел напротив будки от немецкого автомобиля-«душегубки» так, что задники новеньких калош неуклюже торчали далеко за его спиной. Он сделал это не совсем удачно, и после вынужденной остановки байковую подкладку левой калоши было невозможно рассматривать с точки зрения эстета. Этот постыдный проступок был почти ни кем не замечен, если не считать обитавшего в «душегубке» рыжеволосого квартиранта по прозвищу Золотой, который неожиданно показался в дверном проеме. С Золотым у Левши с самого начала не заладились отношения, но он был уверен в его молчании.

— И захочет, не донесет, — успокоил себя Левша и погрозил Золотому кулаком. Тот многозначительно промолчал и моментально исчез в глубине своего жилья.

Вернувшись, Левша облегченно вздохнул, аккуратно поставил обувь у двери Катсецкого и юркнул к себе в комнату.

Рано утром, не заметивший, в темноте коридора, ничего подозрительного, Никанор надел калоши на сверкающие хромовые сапоги и отправился на службу. Как дальше развивались события можно только предполагать. Но поздно вечером Кат подстерег «злостного правонарушителя» в конце коридора, затащил к себе в комнату и отстегал офицерским ремнем, как мужик конокрада.

* * *

Ровный белый пробор, разделяющий гладко зачесанные волосы учительницы старших классов, потемнел от негодования. Она закончила листать ученический дневник, обмакнула перо в чернильницу с красными чернилами и что-то долго и недовольно писала, не обращая внимания на стоявшего на вытяжку ученика.

— Поразительно, Левшин. За полтора месяца учебы в нашей школе почти ни одной положительной отметки. — Преподаватель подняла голову и иронично усмехнулась. — Вы чем-то неуловимым напоминаете Фонвизенского Недоросля. Я, как классный руководитель, на ближайшем педсовете буду настаивать на вашем переводе на класс ниже. Завтра в школу приходите с матерью.

Класс затаил дыхание, а кое-где на задних партах прокатился сдерживаемый смех. Левша пропустил мимо ушей литературное сравнение. С этим как-нибудь можно справиться. Не станет же он объяснять, что в деревне, из которой он приехал, вообще не было школы. Ближайшая «семилетка» находилась за двенадцать километров, и он ходил на занятия не очень регулярно. В эту минуту его больше всего беспокоили две едва заметные латки на задней части штанов. Это были даже не латки, а аккуратные штопки. Вчера вечером мать заштопала начинающиеся просвечиваться потенциальные дырки, появившиеся от долгого сидения.

— От твоей учебы всего пользы, что дырки на штанах. Шел бы лучше в ФЗУ, на токаря учиться. Токаря сейчас хорошо зарабатывают, — ворчала она, сматывая нитки.

Левше казалось, что весь класс смотрел только на его штаны и старался стать так, чтобы спину не было видно ни классу, ни учительнице. От всеобщего внимания уши стали пунцовыми, кровь толчками прилиwała к голове, и с этой пульсацией в памяти всплыла неизвестно откуда пришедшая фраза: — И первые станут последними, а... — дальше сознание советовало додумать самому.

Он взял со стола злополучный дневник и боком прошел к своей парте.

После школы Левша спрятал тощий портфель в зарослях крапивы и свернул на узкую, едва заметную тропинку, ведущую на старое, заброшенное кладбище. Большая часть могил, заросших горькой полынью и вереском, почти сравнялась с землей, а ржавые кресты с табличками, на которых с трудом угадывались размытые непогодой фамилии и даты, покосились и всем своим печальным видом напоминали о недолговечности всего земного.

На центральной аллее спутанная трава пожелтела и жалась к земле. И только одинокий подсолнух зацвел яркими красками, как будто спутал времена года.

Левша не спеша пересек центральную аллею, уважительно задержавшись у могилы, судя по надписи на гранитном бюсте, принадлежавшей профессору Мещанинову, который во времена немецкой оккупации продолжал работать в городской больнице и прятал бежавших из плена красноармейцев.

Чуть поодаль, отделенное неглубоким оврагом, располагалось еврейское кладбище. Было оно значительно меньше, но гораздо ухоженнее православного.

Левша часто хаживал этим, навевающим

печальное настроение, маршрутом. Дело в том, что сразу же за кладбищенским забором начинался Мичуринский сад, поделенный на дачные участки, посещение которого, в отсутствии владельцев, было его любимым занятием. Дорогу в Мичуринский сад ему показал местный гроза садов и огородов по кличке Пенс. Пенс с двумя братьями, Бобом и Санькой-Святым, были первой скрипкой в начинающей формироваться шайке поселковых нарушителей спокойствия. Помимо садов и огородов они время от времени пробирались на склады готовой продукции ближайших заводов и фабрик. Добыча «расходилась» быстро, и вечера они коротали за картами. В уличных драках братья держались кучно и никогда не отступали. А на карьере, где собиралась купаться вся окрестная шпана, низкорослые, мускулистые, с кривыми ногами и короткими борцовскими шеями Боб, Пенс и Святой были лучшими пловцами. Никто кроме них не решался нырнуть «ласточкой» с высокого обрыва. И никто никогда им не перечил.

Кладбище было закрытым, и здесь давно никого не хоронили, поэтому Левшу насторожило появление двух свежих могил. Тем более, что находились они на склоне оврага, между православным и еврейским кварталами. Как будто в этих могилах были похоронены представители неизвестного до сей поры вероисповедания. Вместо

крестов или памятников странные захоронения были увенчаны черными металлическими табличками с выведенными от руки белой краской номерами. И выглядели печально даже на этом безрадостном фоне.

Левша прогнал грустные мысли и завязал байковую, клетчатую рубаху на животе. Подтянувшись на руках, на мгновение задержался на заборе и, убедившись в отсутствии дачников-мичуринцев, спрыгнул вниз. Основная часть урожая уже была собрана законными владельцами, и прошло больше часа, пока юный садовод собирал переспелую антоновку, сливы и виноград, который предусмотрительно рвал в последнюю очередь. По мере продвижения по неприятельской территории, талия увеличивалась в размерах, он быстро набрал вес и начал понимать, что будет сложно преодолеть высокий забор. Расстаться даже с малой частью добычи не хотелось, и Левша пошел вдоль ограды, заодно присматриваясь к пустующим дачным домикам, в надежде на последующую поживу.

Сад заканчивался склоном, забор делал уступ, и он без труда оказался на кладбище. Возвращаясь назад, подошел к свежим могилам с другой стороны и замер от удивления. На склоне оврага он еще издали заметил до боли знакомую фигуру. У отдельно стоящих свежих могил с непокрытой

головой стоял Катсецкий.

«Чего сюда занесло этого душегуба», — подумал он, прячась в заросли сирени на еврейском кладбище. Поборов желание тот час же дать деру, замер за треснутой мраморной плитой с надписью: «Человек дан жизни взаймы». Левша не был склонен ни к философии, ни к филологии, но если бы он делал эту надпись, то слова «человек» и «жизнь» поменял бы местами.

Украдкой наблюдая за своим недругом, он от избытка внимания потерял счет времени. Исполдволь наступали сумерки. В желтой холодной раме зари на кончики крестов тихо опускался солнечный диск. Тень от одиноко стоявшей на склоне оврага фигуры стала длиннее и спряталась между могил. Издали Левша не мог разглядеть выражения лица Катсецкого, но казалось, что его рот растягивался в какой-то странной гримасе, которую можно было принять за улыбку старого бродячего арлекина.

— Не иначе, как и вовсе старик умом тронулся, — усмехнулся наблюдатель и, сделав большой крюк, вышел на дорогу к Архиреевой даче.

* * *

Левша всеми силами старался не попадать на

глаза своему беспокойному соседу, и следующая встреча, круто изменившая их отношения, произошла только через месяц.

На октябрьские праздники, все еще охочий до баб, Никанор, по какой-то одному ему известной причине, не ночевал дома двое суток. Возвращался восвояси старый служака поздней ночью и навеселе. Если быть предельно точным, Никанор был пьян в стельку, еле держался на ногах. И было очевидно, что не совсем верно рассчитал количество выпитых горячительных напитков. Не добравшись до жилища несколько десятков метров, Катсецкий поскользнулся, неосторожно ступив на край лужи у водопроводной колонки, качнулся из стороны в сторону, и растопырил руки, стараясь удержать равновесие. Но сила притяжения победила, и он бревном рухнул на грешную землю. Упал Кат так неловко, что вся левая пола шинели, рука и нога оказались в луже. Предательская дремота одолела его в самую неподходящую минуту. Катсецкий, раскинув руки в разные стороны и устремив давно небритый подбородок в небо, заснул сном праведника.

Разбудила Никанора ледяная свежесть бледного, ненастного утра. Столбик термометра за ночь опустился до минуса десяти по Цельсию, лужа замерзла и заковала гуляку в ледяные кандалы. Проснувшись, он сделал несколько попыток

принять свойственное ему ранее вертикальное положение, но они закончились неудачей. Лужа была неглубокой, и Катсецкий погрузился в нее всего на четверть своего объема, но кромка льда, окружавшая почти половину его тела плотным кольцом, держала пленника мертвой хваткой.

Никанор скосил глаза в сторону Архиреевой дачи, до которой было рукой подать, в надежде увидеть кого-либо. Но кроме рыжего соседа по кличке Золотой, квартировавшего в стоявшей в конце двора будке от немецкой душегубки, никого не обнаружил.

Переживший оккупацию и двойное освобождение города, Золотой не раз видел трупы военных, вмерзших в землю. Зимняя бескормица военного времени заставляла забыть страх, и он по ночам пробирался далеко за город. Там, где недавно проходили бои, можно было неплохо пожить. И Золотой, вместе с местными жителями, занимался мародерством. Разыскивая разорванные ранцы и вещмешки погибших с обеих сторон, он добывал себе пропитание. Золотого вряд ли можно было назвать полноценным мародером. Не в пример жителям, он охотился только за харчами. А настоящие мародеры снимали с трупов все, что можно было продать на барахолке или обменять в деревнях на продукты. Больше всего ценилась обувь, к которой Золотой, по объективной

причине, был равнодушен. Он, в силу своего конституционного строения, просто не мог найти ей применения. Да и не сильно в ней нуждался.

Как-то в сорок третьем Золотого застучала на горячем немецкая похоронная команда, и хромой фельдфебель открыл прицельный огонь из карабина. Золотой чудом спасся бегством, но был ранен и потерял самую длинную и важную конечность. С тех пор он остерегался подобных ситуаций.

Осторожно потрогав замерзшую поверхность лужи, Золотой убедился в ее прочности и обнюхал покрытую «гусиной кожей» ладонь Никанора. Выискивая, чем бы поживится, мародер прыгнул Катю на грудь, изогнулся дугой и угрожающе зашипел. Никанор был не из робкого десятка и побывал во многих передрягах, из которых выходил с честью. Но, никак не ожидая такой наглости от низкорослого Золотого, он опешил.

Хмель уже давно выветрился и, возможно, впервые в жизни Никанор испытал леденящий душу страх. Боялся не за свою жизнь. Смерть его не страшила. Он знал наверняка, какой будет его кончина. Ужас рождало состояние собственной беспомощности. В силу своей профессии часто задумывался над тем, что испытывает человек, приговоренный к смерти, в свои последние минуты. И не находил ответа.

Сейчас на ум почему-то пришло название старой, потрепанной книжки, пылившейся на комодe. Прочитать эту книгу не было то времени, то желания. А чаще и того и другого. Книга, которую он нашел в камере смертников в промежутке между сменой постояльцев, называлась «Каждый умирает в одиночку». Никанор сейчас почему-то силился вспомнить автора, но этого не получалось. Скорее всего, это был кто-то из немцев. После всего, что они натворили в этой войне, для них это было заслуженно.

От этих мыслей перед глазами у Ката поплыли розовые круги и начал мутиться рассудок. В предрассветном мареве старый рыжий кот, шипящий у него на груди, вдруг показался чертом. Отсутствие хвоста, являющегося неотъемлемой частью кошачьей породы, только подтверждало его потустороннее происхождение. Никанора с давних времен посещало подобное видение, но он всегда разгадывал его сущность, и «нечистый» исчезал. Сразу же после того как Кат бросал пить.

— Пропади, черт кургузый, — одними губами пробормотал Никанор.

Он свободной рукой схватил облезлого рыжего кота за горло, стараясь перекрыть кислород, и сжал из последних сил. «Нечистый» хрипло, простужено мяукнул и, извиваясь, разодрал обидчику руку до крови.

— На помощь! — Несвойственным для него фальцетом закричал Никанор и разжал кисть. Не выдержавший такой тональности Золотой задрал вверх обрубок хвоста и слету вскочил на ветку акации.

«Зря я взялся за старое. Но, по-другому не получится», — упрекнул себя промерзший до костей Золотой, с тоской глядя на заветную «душегубку».

* * *

Левша проснулся в холодном поту. Под утро он видел странное сновидение. Снилось, что блуждает по задворкам домов, пустырям и безлюдным улицам.

Оказавшись у старого двухэтажного здания без окон и с куполом вместо крыши, не раздумывая, толкнул тяжелую, окованную металлическими пластинами дверь и оказался за кулисами цирка. Никем не замеченный, он прокрался к зрительским рядам и занял пустующее место. По цирку пронеслась волна смеха и аплодисментов, возвещающая об окончании очередного «номера». В глубине авансены заиграла музыка, кто-то невидимый распахнул занавес и на арену, под рев публики, выбежала ватага клоунов. Зал ликовал. Судя по всему, клоуны были всеобщими

любимцами. Кривляясь, угодливо кланяясь и паясничая, они прыгали, делали сальто и кувыркались. Зрители не скупались на аплодисменты.

В одном из артистов Левша, несмотря на грим, рыжий парик и нелепый двухцветный шутовской наряд, безошибочно угадал Катсецкого. Мнимый клоун, вооружившись фотоаппаратом на треноге, предложил зрителям сфотографироваться на память. Не дожидаясь согласия, фотограф установил треногу напротив центральной ложи, в которой находилась группа нарядных зрителей. Судя по тому, как они дружелюбно улыбались друг другу и весело разговаривали, это была одна большая семья.

Клоун-фотограф попросил внимания и накрылся черным покрывалом. После яркой вспышки действие перенеслось в мрачный подвал. А клоуны, с непостижимой для человеческого сознания быстротой, сменили пестрые костюмы на кожаные куртки, галифе и сапоги. Выстроившись в шеренгу, они стали методично расстреливать зрителей из револьверов. Первыми под пули попала семья, занимавшая ложе. Кто-то в первых рядах страшно закричал, призывая на помощь. Сверху, из-под купола на арену посыпался град, на который, во всеобщей суматохе, никто не обратил внимания. И только фигляр-фотограф, сдернув с головы

черное покрывало и парик, стал поспешно и воровато собирать ледяные горошины и прятать в складках своего шутовского наряда.

Оркестр, заглушая крики и стоны умирающих, заиграл гимн Советского Союза, и в отчетливых звуках литавр слышалось нескрываемое торжество.

В бледном отзвуке раннего ноябрьского утра празднично блестели протертые окна. На стеклах мелкими каплями холодело серебро замерзшей росы. Где-то в углу под половицей скреблись мыши. Из-за соседской стены, приглушенно льющаяся из репродуктора мелодия государственного гимна, торжественно вещала о начале нового трудового дня. Мерно тикающие на стене «ходики» прогоняли остатки сна, давая возможность вести правильный отсчет времени и возвращая к реальности.

— Куда ночь — туда и сон, — пробормотал, приходя в себя, Левша и успокоился, понимая, что это был всего лишь ночной кошмар. Нет больше клоунов, стреляющих в зрителей, вороватого фотографа и криков о помощи. Но, словно в опровержение, с улицы, в сопровождении кошачьего шипения, по всему подворью Архиереевой дачи пронесся леденящий душу крик.

— На помощь! — Донеслось с улицы.

Наспех одевшись, Левша выскочил во двор.

Операция по извлечению Никанора Катсецкого из ледяного плена проходила с переменным успехом. Левша сходил в сарай за топором и принялся осторожно вырубать соседа изо льда. Вокруг правой руки, ноги и части туловища Ката, отступив сантиметров пятнадцать-двадцать, он осторожно прорубал во льду глубокую выемку и попробовал поднять на ноги потерпевшего от стихийного бедствия соседа.

Первая попытка сдвинуть Никанора с места закончилась неудачей. Ледяной капкан ни как не хотел расставаться со своей добычей.

«Тут необходимо проявить смекалку», — решил Левша и побежал за чайником с горячей водой.

После того, как лед вокруг Никанора растаял, Левша бережно, стараясь не причинить вреда неживчивому соседу, отделил Катсецкого от промерзшей земли и поставил в вертикальное положение. Никанор за все время не проронил ни слова и только благодарно сопел.

Работа была закончена. Спасатель подхватил оттаявшего, но все-таки нестигаемого Ката под руку и потащил в дом. По дороге он далеко отшвырнул ногой, покрытую толстым слоем льда, злополучную калошу.

После этого прискорбного случая Кат

перестал надевать калоши и, сидя у себя в комнате, Левша безошибочно узнавал его шаги по звонкому цоканью металлических подковок.

Никто из жителей Архиевеевой дачи так и не узнал о злключениях Никанора. Единственным свидетелем и участником тех событий был потрепанный временем рыжий кот, круглыми глазами наблюдавший за происходящим с высоты акации. Но коты не свидетели. Они всего лишь очевидцы.

«Пропади ты пропадом, недотепа», — то ли о себе, то ли о Никаноре подумал Золотой. Пораскинув кошачьими мозгами и убедившись, что опасность миновала, неудачник-мародер стал осторожно спускаться вниз, грустно поглядывая в сторону своего неказистого жилища. С каждым годом душегубка становилась все менее пригодной для жилья. Летом неугомонные пацаны отгибали металлическую обшивку и отдирали куски торфа, который жгли по вечерам. Торф, служивший изоляцией, тлел и противно дымил. Едкий запах и дым разгоняли комаров. А зимой в душегубке по ночам всё злее гудел колючий холодный ветер и, к счастью, она уже никогда не могла использоваться по прямому назначению. Но, к сожалению, для жилья, становилась все непригоднее для обитания.

Золотой был недоволен таким положением

вещей и все чаще подумывал, как бы сменить место жительства, переселившись хотя бы в коридор Архиерейской резиденции. Поближе к своему давнему недругу и обидчику.

* * *

Несмотря на двухстороннее воспаление легких, Катсецкий наотрез отказался лечиться в больницу. Лечился по старинке: скипидаром, козьим жиром с горчичниками и чистым медицинским спиртом. Надпись «Наружное» на спиртовом флаконе игнорировал напрочь и принимал «лекарство» исключительно внутрь.

На второй день к больному наведился близкий друг и сослуживец. Это был начальник тюремного корпуса по прозвищу Быкголова. Гость был высокого роста, одинаково широкий в тазу и в плечах. Казалось, что серая шинель у офицера внутренних войск вот-вот лопнет по швам. Вдобавок, у него была непомерно большая голова с выдвинутой челюстью и крупными, пожелтевшими от табака и крепкого чая зубами.

С его приходом Архиереева дача наполнилась запахом лука, водки, топотом и громовым начальственным басом. В качестве гостинца он принес несколько головок чеснока, банку топленого смальца и связку бубликов с маком.